

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-48-60

ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ КАК РЕСУРС «МЯГКОЙ СИЛЫ» АФРИКАНСКИХ СТРАН

А.О. Наумов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

naumov@sra.msu.ru

Аннотация. В статье анализируется потенциал «мягкой силы» стран субсахарской Африки, которая все сильнее обретает черты отдельной цивилизации. Этот макрорегион сегодня вызывает в основном негативные ассоциации, связанные с болезнями, нищетой, преступностью, войнами, терроризмом, однако он генерирует и позитивные образы. Африканские государства южнее Сахары все активнее начинают использовать в своей внешнеполитической деятельности технологии и инструменты «мягкой силы», обладая при этом значительными ресурсами в этой области. В статье в качестве таковых впервые в отечественной историографии рассматриваются философско-этические учения ряда африканских стран. Автор приходит к выводу, что Убунту в ЮАР, Омолуваби в Нигерии и Харамби в Кении являются потенциально весьма эффективными инструментами «мягкой силы», с помощью которых Претория, Абуджа и Найроби могут достичь значительных внешнеполитических успехов.

Ключевые слова: Субсахарская Африка, Африканский ренессанс, «мягкая сила», ЮАР, Нигерия, Кения, философско-этические учения, Убунту, Омолуваби, Харамби.

Для цитирования: Наумов А.О. Философско-этические учения как ресурс «мягкой силы» африканских стран // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. Т. 21. № 1. С. 48–60.

Дата поступления в редакцию: 18.10.2023.

PHILOSOPHICAL AND ETHICAL TEACHINGS AS A RESOURCE OF “SOFT POWER” OF AFRICAN COUNTRIES

Naumov A.O.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
naumov@spa.msu.ru

Abstract. The article analyzes the potential of the soft power of the countries of sub-Saharan Africa, which is increasingly acquiring the features of a separate civilization. This macro-region today causes mainly negative associations associated with diseases, poverty, crime, wars, terrorism, but it also generates positive images. Sub-Saharan African States are beginning to use soft power technologies and tools in their foreign policy activities, while having very significant resources in this area. One of these resources are philosophical and ethical teachings, which for the first time in Russian historiography are being studied in this article. The author concludes that Ubuntu in South Africa, Omoluwabi in Nigeria and Harambi in Kenya are potentially very effective tools of soft power, with which Pretoria, Abuja and Nairobi can achieve significant success in international affairs.

Keywords: Sub-Saharan Africa, African Renaissance, soft power, South Africa, Nigeria, Kenya, philosophical and ethical teachings, Ubuntu, Omoluwabi, Harambi.

For citation: Naumov A.O. Philosophical and ethical teachings as a resource of “soft power” of African countries // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2024. Vol. 21. № 1. P. 48–60.

Received: 18.10.2023.

С географической и цивилизационной точки зрения африканский континент состоит из двух частей: Северной Африки, являющейся составной частью исламского мира, и огромного пространства Африки субсахарской, которая обретает черты отдельной уникальной цивилизации. Африку южнее Сахары все чаще рассматривают как единое целое, для чего есть все основания: ее население при всей его расово-этнической пестроте в основном однородно, связано многими общими чертами, признаками и даже судьбой. Долгое время находившиеся под колониальным гнетом европейских держав африканские страны более полувека выстраивают собственные модели независимого государственного устройства.

К сожалению, за прошедшие со времен деколонизации десятилетия большого прогресса в этой области достичь не удалось, и сегодня у большинства жителей планеты «Черный континент» вызывает в основном негативные ассоциации, связанные с болезнями, нищетой, преступностью, войнами, терроризмом и т.д. Однако субсахарская Африка генерирует и позитивные образы, например, успешный Чемпионат мира по футболу 2010 г. в ЮАР, вторая в мире по величине киноиндустрия — нигерийский Нолливуд, поразительные по красоте туристические места и многое другое. Все это, безусловно, можно отнести к активам «мягкой силы» африканских стран.

Как известно, концепция «мягкой силы» была разработана на рубеже XX–XXI вв. американским ученым и государственным деятелем Дж. Наем-младшим. В работе 2010 г. Най дал, пожалуй, наиболее развернутую на данный момент трактовку этого понятия: «“Мягкая сила” — это способность влиять на других путем взаимодействия в области формирования повестки дня, оказания воздействия с помощью привлечения симпатий для достижения желаемых результатов»¹.

Если попытаться выявить некий коллективный «мягкосиловой» актив всей Африки, то первое, что приходит на ум, связано с африканским Ренессансом — уникальным феноменом возрождения самосознания и этнокультурной идентичности стран и народов «Черной Африки». Его суть заключается в идее возврата к истокам самобытной африканской культуры и африканской цивилизации, которая, как считают многие местные ученые, когда-то существовала южнее Сахары. Речь идет об активизации духовных, исторических и социокультурных поисков африканцев, деколонизации африканского разума и освобождении африканской идентичности от влияния западной культуры, стремлении четко определить место Африки в мировом пространстве в условиях давления со стороны неафриканских цивилизаций².

Африканский ренессанс нашел свое отражение и в развитии философии африканских народов, представляющей их мировоззрение с использованием оригинальных методов философствования³. Актуальным в этом плане представляется изучение в

¹ Nye J. *The Future of Power*. NY: Public Affairs, 2010. P. 21.

² Чуквуджекву Е. С.-Ф. Африканское возрождение как парадигма развития современной африканской философии: дисс. ... к.ф.н. «Российский университет дружбы народов». М., 2020. С. 3–4.

³ Чуквуджекву Е. Африканская философия в современном мире // *Logos et Praxis*. 2019. Т. 18. № 2. С. 144.

качестве ресурсов «мягкой силы» Африки философско-этических учений Убунту (ЮАР), Омолуваби (Нигерия) и Харамби (Кения), которые являются значимыми пластами общественного сознания жителей «Черного континента». Они обладают собственной национальной спецификой, но при этом связаны между собой опорой на коллективизм и общинность в противоположность индивидуализму и глобализации в западном варианте философии. Целью работы является анализ этих уникальных философских систем через призму реализации стратегии «мягкой силы» указанных африканских государств. Методологической основой исследования являются системный и сравнительный подходы, принцип историзма, методы научного анализа документов. Отметим, что обращение к подобным сюжетам в отечественном научном дискурсе осуществляется впервые.

Современная Южно-Африканская Республика все более отчетливо позиционирует себя как стречневое государство Африки, для чего у нее, пожалуй, есть все основания. Крупнейшая в регионе экономика, значительный военный потенциал, членство в быстроразвивающихся глобальных структурах (в первую очередь, G20 и БРИКС), активная миротворческая деятельность — все это сделало Южно-Африканскую Республику несомненным лидером «Черного континента»⁴. Сравнительно недавно в ЮАР получила признание и идея реализации на международной арене политики «мягкой силы». Масштаб личности победившего режим апартеида в 1994 г. Н. Манделы как символа освобождения и примирения, его глобальное влияние на мировые процессы до сих пор являются мощным «мягкосиловым» ресурсом страны. Фигура его преемника Т. Мбеки, в свою очередь, непосредственно ассоциировалась с популяризацией концепции африканского Ренессанса. К этим ресурсам также относятся культурная продукция ЮАР в виде индустрии развлечений, спортивная и образовательная дипломатия, роль негосударственных акторов в реализации стратегии «мягкой силы».

Особняком в ряду ресурсов южноафриканской «мягкой силы» стоит философия Убунту. В самом общем плане на русский язык этот термин с зулусского можно перевести, как «человечность» или «совместность». По мнению В.А. Никонова, понятие «Убунту» близко по значению к российской «соборности»⁵, хотя карди-

⁴ Наумов А.О. «Мягкая сила» стран группы БРИКС (на примере Бразилии и ЮАР) // Мировая политика. 2015. № 4. С. 37–38.

⁵ Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М.: Издательство «Э», 2015. С. 600.

нальным отличием последней является наличие ярко выраженной религиозной коннотации. Сегодня Убунту считается африканской идеологией и африканским образом жизни, существовавшими до прихода европейцев. Исследователи вопроса из ЮАР М. Кобо и Н. Ньяти определяют Убунту в качестве «системы ценностей, которая предполагает глубокое вовлечение индивида в социальную структуру, основанную на гуманизме и коллективистских способах существования, ассоциирующихся с африканскими социальными системами»⁶. «Индивид, — в свою очередь пишут их нигерийские коллеги А. Акинола и У. Океке-Узодике, — может сказать: я существую, потому что мы существуем, и поскольку мы существуем, следовательно, и я существую»⁷. Идеология Убунту основана на таких понятиях, как «Ваша боль — это моя боль, мое богатство — это Ваше богатство, Ваше спасение — это мое спасение», и на таких ценностях, как взаимность, человечность, достоинство, гармония, забота, участие, сострадание и прощение⁸. По мнению авторитетного южноафриканского ученого О. Теллы, «Убунту провозглашает, что выживание сообществ определяется общностью и коллективной ответственностью, а власть осуществляется на основе консенсуса»⁹.

Философия Убунту как неотъемлемая часть южноафриканской идеологии и культуры приобрела известность после падения режима апартеида. Конституция ЮАР 1996 г. была основана на этих принципах. Известная Комиссия правды и примирения также работала в духе Убунту, что проявилось в амнистии, предоставленной признавшим свою вину ответственным за массовые нарушения прав человека во время режима апартеида¹⁰. Это имело решающее значение для того, чтобы Южная Африка смогла преодолеть противоречивое наследие прошлого и осуществить мирный политический переход к созданию так называемой «радужной нации»¹¹.

⁶ *Qobo M., Nyathi N.* Ubuntu, Public Policy Ethics and Tensions in South Africa's Foreign Policy // *South African Journal of International Affairs*. 2016. No. 23 (4). P. 424.

⁷ *Akinola A., Okeke-Uzodike U.* Ubuntu and the Quest for Conflict Resolution in Africa // *Journal of Black Studies*. 2018. No. 49 (2). P. 95.

⁸ *Nussbaum B.* African Culture and Ubuntu: Reflections of a South African in America // *Perspectives*. 2003. No. 17 (1). P. 2.

⁹ *Tella O.* Africa's Soft Power: Philosophies, Political Values, Foreign Policies and Cultural Exports. Abingdon: Routledge, 2021. P. 29.

¹⁰ *Tella O.* South Africa in BRICS: The Regional Power's Soft Power and Soft Balancing // *Politikon*. 2017. No. 44 (3). P. 394.

¹¹ *Tella O.* Africa's Soft Power... P. 29.

Философия Убунту имеет самое непосредственное отношение и к внешней политике ЮАР, включающей идеи мультилатерализма, защиты прав человека, построения справедливого международного порядка, что заложено в данном философско-этическом учении¹². Большое значение Убунту имеет и для урегулирования региональных конфликтов, представляя собой эффективный инструмент для разрешения многочисленных противоречий и конфликтных ситуаций на африканском континенте¹³.

Более того, по справедливому мнению Теллы, «философия Убунту в некотором смысле служит контридеологией западной глобальной гегемонии в эпистемологической, культурной и экономической сферах» и представляет альтернативную идеологию либеральным демократиям, где сегодня объективно существует моральный вакуум и внешнеполитический эгоизм¹⁴. Ценности Убунту укрепляют многостороннюю, многополярную и взаимозависимую международную систему в противовес нынешнему глобальному иерархическому порядку, основанному на пресловутых «правилах», навязанных Западом остальным участникам системы международных отношений. Как отмечает южноафриканский исследователь Б. Нуссбаум, «Убунту может обогатить спектр новых парадигм, распространяющихся во всем мире... Дух Убунту, если его воспринимать всерьез, может влиять и улучшать отношения между странами»¹⁵. А ее коллеги Д. Мадис и К. Исайк считают, что «Убунту — это, по сути, философия “мягкой силы”, ресурс, который несет в себе заманчивый моральный авторитет, пронизывающий все сферы социальной структуры ЮАР в частности и всего африканского континента в целом»¹⁶.

Нигерия является самой густонаселенной страной Африки, обладающей огромными энергетическими ресурсами, статусом региональной экономической и военной державы. В течение второго десятилетия XXI в. страна была одной из самых быстрорастущих экономик на планете, чей рост в среднем ежегодно составлял 7%. Помимо очевидных активов «жесткой силы» Нигерия обладает и «мягкосиловыми» ресурсами, такими как культурная продукция, включая хорошо известный даже за пределами «Черного континента»

¹² Qobo M., Nyathi N. Op. cit. P. 430.

¹³ Ogunnubi O., Okeke-Uzodike U. South Africa's Foreign Policy and the Strategy of Soft Power // South African Journal of International Affairs. 2015. No. 22 (1). P. 29.

¹⁴ Tella O. Africa's Soft Power... P. 29–30.

¹⁵ Nussbaum B. Op. cit. P. 2.

¹⁶ Madise D., Isike C. Ubuntu Diplomacy: Broadening Soft Power in an African Context // Journal of Public Affairs. 2020. No. 20 (2). P. 7.

нента» Нолливуд, оригинальную музыку (Афробит) и индустрию моды. К ним относятся также многомиллионная нигерийская диаспора в мире; миротворческая деятельность, сотрудничество по линии Юг — Юг (особенно это касается инициативы «Корпус технической помощи», направленной на обучение и обеспечение нигерийскими техническими ноу-хау развивающихся стран в сфере медицины, инженерного дела и образования¹⁷); в целом многосторонний характер внешней политики и участие в международных организациях.

Особое значение в данном контексте приобретает разделяемая 40-миллионным народом Йоруба в Нигерии философия Омолуваби. Омолуваби (приблизительный перевод на русский язык — «воплощение хорошего характера») представляет собой важные традиционные моральные кодексы коренных народов западной Африки. Телла утверждает: «Данная философия имеет нормативные и описательные аспекты. В качестве описательного понятия она обозначает индивида, достигшего морального статуса воплощения хорошего характера, признанного в сообществе»¹⁸. Нравственность человека, рассматриваемая как важный критерий личности, определяется, в свою очередь, содержанием его характера, которое измеряется кодексами поведения во всех сферах жизни. В качестве же нормативного понятия Омолуваби устанавливает стандарт приемлемого поведения; в ней отражена необходимость отстаивания достоинства и идея служения во благо общества, при этом человек, придерживающийся подобных идеалов (трудолюбие, скромность, мужество, самоконтроль, уверенность в себе, социальная ответственность, терпение, верность традициям и др.), сам достоин подражания¹⁹.

Во внешнем мире философия Омолуваби, как и Убунту, предлагает альтернативную западной парадигму мировой политики, отвергая утилитарный подход к решению глобальных проблем человечества, подчеркивая центральную роль морали в создании гармоничного общества и гармоничной системы международных

¹⁷ Тарасова Д.А. Потенциал «мягкой силы» Нигерии как региональной державы // Вест. Омского ун-та. Сер. «Исторические науки». 2019. № 3 (23). С. 209.

¹⁸ Tella O. Africa's Soft Power... P. 31.

¹⁹ Tella O. Africa's Soft Power... P. 31; Oripeloye H., Omigbule M. The Yoruba of Nigeria and the Ontology of Death and Burial // Death Across Cultures, Science Across Cultures: The History of Non-Western Science / Ed by Selin H., Rakoff R. Cham: Springer. P. 197–198; Rombo D., Lutomia A. 'This Is America': Narratives of Parenting Experiences by African Immigrant Parents from Cameroon, Kenya, and Somalia Living in the United States // Transnational Social Review. 2016. No. 6 (1/2). P. 146.

отношений. «В противовес основанному на принципах индивидуализма Западу, делающего акцент на защите личных и имущественных прав, отмечает Телла, Омолуваби постулирует равный доступ к экономическим, социальным и политическим ресурсам для всех участников мирового сообщества»²⁰. Безусловно, философия Омолуваби представляет собой потенциально мощный ресурс «мягкой силы» Нигерии, и, продвигая и популяризируя подобные подходы, Абуджа вполне могла бы добиться значительных внешнеполитических дивидендов, по крайней мере, на африканском континенте.

Кения является одним из претендентов на роль лидера Восточной Африки, обладая при этом значительным влиянием на «Черном континенте» в целом. Не имея мощного военного и экономического потенциала, официальный Найроби в последние годы уделяет большое внимание «мягкосиловой» политике. Ключевыми источниками «мягкой силы» Кении являются: спортивная дипломатия, основанная на успехах кенийских спортсменов; туристические достопримечательности, которые ежегодно привлекают тысячи туристов со всего мира; культурный экспорт, особенно в сфере модной индустрии; деятельность в мире кенийской диаспоры; а также многосторонняя, в том числе гуманитарная, дипломатия, усилия в области миротворчества и миростроительства на африканском континенте, миролюбивая внешняя политика страны. Особое место среди ресурсов «мягкой силы» этого восточноафриканского государства занимает философия Харамби.

Как утверждает кенийский исследователь Н. Нгете, — это философско-этическое учение зародилось еще в древности, когда носильщики, произнося слово «Харамби», объединяли усилия для работы с тяжелыми поклажами²¹. Более вероятной выглядит версия, согласно которой истоки Харамби следует искать в ходе интернационального железнодорожного строительства конца XIX в., в котором принимало участие несколько десятков тысяч как коренных жителей страны, так и эмигрантов из различных частей Британской империи, колонией которой тогда являлась Кения.

Харамби как национальный девиз государства был популяризирован первым президентом независимой Кении Дж. Кениатой, который заканчивал большинство своих выступлений именно этим

²⁰ Tella O. Africa's Soft Power... P. 32.

²¹ Ng'ethe N. Politics, Ideology and the Underprivileged: the Origins and Nature of the Harambee Phenomenon in Kenya // Journal of Eastern African Research & Development. 1983. Vol. 13. P. 150–151.

словом²². В дословном переводе на русский язык «Харамби» означает «Все вместе». По сути, это смысл жизни кенийцев, всегда готовых прийти на помощь ближним в сложной ситуации, когда каждый член общества может внести собственный посильный вклад в виде финансовой, физической или эмоциональной помощи, ничего взамен при этом не требуя, зная, что если он окажется в затруднительном положении, то ему также обязательно помогут. По мнению исследователей этого вопроса, Харамби — «это коллективное и совместное участие общества в попытке удовлетворить предполагаемые потребности путем использования своих собственных ресурсов»²³. Философия Харамби включает такие ценности, как взаимная социальная ответственность и самостоятельность сообществ и предполагает объединение усилий для решения задач их развития и благосостояния, где конечный продукт приносит пользу всему обществу, а не только отдельному человеку. Харамби, таким образом, поощряет объединение и мобилизацию ресурсов сообществ с помощью систем самопомощи для достижения общих целей²⁴.

В практическом плане проекты в рамках философии Харамби представляют собой деятельность, направленную на борьбу с бедностью и безработицей, развитие общественных благ, реализацию волонтерских проектов в области здравоохранения и образования. В соответствии с принципами Харамби каждый человек, используя методы взаимопомощи, должен вносить свой вклад в развитие общины в соответствии с собственными возможностями. Таким образом местными сообществами создаются медицинские центры, дороги, школы, плотины, общественные сооружения и мосты²⁵. Большое значение придается деятельности общественных неправительственных организаций в области развития страны, наглядно демонстрирующих, как можно достигнуть результата с помощью систем взаимопомощи в ситуациях, когда государство либо вовсе недееспособно, либо просто не имеет возможности оказывать те или иные виды социальной поддержки. Особую роль основанное

²² *Chetty D.* An Harambee Theory of Rhetoric in Social Action: Persuasion, Religious Identity & Recognition in Sudan. 2009. *Alternation* 16 (Special Edition). P. 312.

²³ *Orora J., Spiegel H.* Harambee: Self-Help Development Projects in Kenya // *International Journal of Comparative Sociology*. 1980. No. 21 (3/4). P. 244.

²⁴ *Chieni S.* The Harambee Movement in Kenya: The Role Played by Kenyans and the Government in the Provision of Education and other Social Services. 1998. URL: <https://boleswa97.tripod.com/chieni.htm>.

²⁵ *Godfrey M., Mutiso G.* Economics, Politics and Education: Kenya's Harambee Institutes of Technology // *Institute of Development Studies Bulletin*. 1975. No. 6 (3). P. 33.

на идеях взаимопомощи это философско-этическое учение сыграло в ходе борьбы с пандемией коронавируса. Понимая хрупкость системы здравоохранения, кенийские власти в духе Харамби сделали ставку на структуры самопомощи местных общин, что позволило снизить распространение вируса и облегчило нагрузку на больницы и медицинские центры²⁶.

Идеология Харамби имеет и международное измерение. Найроби действительно во многом руководствуется философией Харамби в рамках взаимодействия с зарубежными партнерами, что проявляется, например, в активном участии в работе межгосударственных структур в рамках урегулирования конфликтов на «Черном континенте», особенно в регионе Великих озер и Южном Судане. Именно в гуманитарной дипломатии Найроби наиболее ярко проявляется философия Харамби; не случайно на территории страны находятся два крупнейших лагеря беженцев в мире — в Дадаабе и Какуме. В таком контексте она, безусловно, может быть весьма привлекательна для других стран, и служить достаточно мощным ресурсом «мягкой силы» Кении на международной арене.

Страны «Черного континента» определенно обладают ресурсами «мягкой силы», хотя даже сам этот термин все еще крайне редко употребляется как в отношении данных государств, так и в них самих. За редким исключением африканские страны весьма далеки от генерирования креативных смыслов и идей на этом направлении; не создана соответствующая институциональная структура; нет серьезных теоретико-методологических наработок для практической реализации стратегии «мягкой силы» и публичной дипломатии; невелики знаковые успехи в данной сфере внешнеполитической деятельности. Тем не менее, «мягкая сила» африканских государств южнее Сахары располагает мощным потенциалом, но делает только первые шаги, сталкиваясь при этом с огромным количеством проблем и вызовов.

Показателен пример Южно-Африканской Республики, эффективность «мягкой силы» которой в последние годы (особенно после прихода к власти президента Дж. Зумы) неуклонно снижалась. Это стало результатом целого комплекса проблем, связанных с ошибками в области государственного управления новой политической элиты ЮАР. В итоге лидер субсахарской Африки все чаще ассоциируется с экономическими проблемами, конфликтами внутри политического класса, высоким уровнем безработицы, бедности,

²⁶ Tella O. Africa's Soft Power... P. 155–154.

неравенства, преступности и коррупции. С другой стороны, на попроще реализации политики «мягкой силы» Претория смогла добиться определенных успехов, например, организовав у себя в стране в 2010 г. проведение футбольного чемпионата мира. И все же Южная Африка пока не имеет возможности эффективно использовать инструменты «мягкой силы» в глобальном и региональном масштабе. На наш взгляд, идеология Убунту, воплощающая в себе человечность, достоинство, гармонию, заботу и прощение, может служить неплохим подспорьем для увеличения потенциала «мягкой силы» ЮАР и быть крайне востребованной в рамках происходящего на наших глазах переустройства мирового порядка, характеризующегося переходом от наполненной геополитическим эгоизмом однополярной гегемонии Запада к более справедливой и разнообразной многополярности.

Нигерия также сталкивается с многочисленными вызовами внутреннего развития, среди которых особенно следует отметить отсутствие политической стабильности, низкий уровень жизни основной массы населения, коррупцию, незаконный оборот наркотиков и, конечно, террористическую угрозу со стороны организации «Боко Харам» и других радикальных группировок. Все это подрывает способность Абуджи эффективно использовать свою «мягкую силу» даже в рамках субсахарской Африки. Представляется, что философия Омолубави, как и Убунту в ЮАР, может быть в данном контексте мощным «мягкосиловым» активом Нигерии.

Проблемы Кении с реализацией политики «мягкой силы» схожи с большинством других африканских стран и проистекают из многочисленных внутренних вызовов, от перманентных электральных кризисов и противостояния политических элит до социально-экономических проблем и конфликтов на этнической почве. В этих условиях основанная на принципах Харамби внешняя политика, на наш взгляд, потенциально способна нивелировать негативные аспекты международного имиджа Найроби.

В заключение следует сказать, что в современных условиях ломки постбиполярного миропорядка и появления на его месте новой системы международных отношений на первый план неизбежно выходят технологии «жесткой силы». Однако это совершенно не отменяет того факта, что претендующие на региональный или глобальный статус державы могут игнорировать значение фактора «мягкой силы» в мировых делах. Особенно актуальным этот вопрос является для африканских стран, которые не обладают сопоставимой с крупнейшими государствами Европы, Азии и Америки военно-политической и экономической мощью. Однако государ-

ства «Черного континента» могут успешно продвигать собственные уникальные нарративы в противовес универсализму и глобализму в его западном варианте. В рамках этой парадигмы философско-этические учения Убунту в ЮАР, Омолуваби в Нигерии и Харамби в Кении являются незаменимыми ресурсами и потенциально весьма эффективными инструментами «мягкой силы» Претории, Абуджи и Найроби на международной арене.

Литература

Наумов А.О. «Мягкая сила» стран группы БРИКС (на примере Бразилии и ЮАР) // *Мировая политика*. 2015. № 4. С. 27–40.

Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М.: Издательство «Э», 2015. 672 с.

Тарасова Д.А. Потенциал «мягкой силы» Нигерии как региональной державы // *Вест. Омского ун-та. Сер. «Исторические науки»*. 2019. № 3 (23). С. 206–211.

Чуквуджекву Е. Африканская философия в современном мире // *Logos et Praxis*. 2019. Т. 18. № 2. С. 143–149.

Чуквуджекву Е. С.-Ф. Африканское возрождение как парадигма развития современной африканской философии: дисс. ... к.ф.н. Российский университет дружбы народов. М., 2020. 170 с.

Akinola A., Okeke-Uzodike U. Ubuntu and the Quest for Conflict Resolution in Africa // *Journal of Black Studies*. 2018. No. 49 (2). P. 91–113.

Chetty D. An Harambee Theory of Rhetoric in Social Action: Persuasion, Religious Identity & Recognition in Sudan // 2009. *Alternation* 16 (Special Edition). P. 301–330.

Chieni S. The Harambee Movement in Kenya: The Role Played by Kenyans and the Government in the Provision of Education and other Social Services. 1998. URL: <http://boleswa97.tripod.com/chieni.htm>.

Godfrey M., Mutiso G. Economics, Politics and Education: Kenya's Harambee Institutes of Technology // *Institute of Development Studies Bulletin*. 1975. No. 6 (3). P. 85–94.

Madise D., Isike C. Ubuntu Diplomacy: Broadening Soft Power in an African Context // *Journal of Public Affairs*. 2020. No. 20 (2). P. 1–10.

Ng'ethe N. Politics, Ideology and the Underprivileged: the Origins and Nature of the Harambee Phenomenon in Kenya // *Journal of Eastern African Research & Development*. 1983. Vol. 13. P. 150–170.

Nussbaum B. African Culture and Ubuntu: Reflections of a South African in America // *Perspectives*. 2003. No. 17 (1). P. 1–12.

Nye J. *The Future of Power*. NY: Public Affairs, 2010. 320 p.

Ogunnubi O., Okeke-Uzodike U. South Africa's Foreign Policy and the Strategy of Soft Power // *South African Journal of International Affairs*. 2015. No. 22 (1). P. 23–41.

Oripeloye H., Omigbule M. The Yoruba of Nigeria and the Ontology of Death and Burial // *Death Across Cultures, Science Across Cultures: The History of Non-Western Science* / Ed by Selin H., Rakoff R. Cham: Springer. P. 193–205.

Orora J., Spiegel H. Harambee: Self-Help Development Projects in Kenya // *International Journal of Comparative Sociology*. 1980. No. 21 (3/4). P. 243–253.

Qobo M., Nyathi N. Ubuntu, Public Policy Ethics and Tensions in South Africa's Foreign Policy // *South African Journal of International Affairs*. 2016. No. 23 (4). P. 421–436.

Rombo D., Lutomia A. 'This Is America': Narratives of Parenting Experiences by African Immigrant Parents from Cameroon, Kenya, and Somalia Living in the United States // *Transnational Social Review*. 2016. No. 6 (1/2). P. 141–159.

Tella O. Africa's Soft Power: Philosophies, Political Values, Foreign Policies and Cultural Exports. Abingdon: Routledge, 2021. 216 p.

Tella O. South Africa in BRICS: The Regional Power's Soft Power and Soft Balancing // *Politikon*. 2017. No. 44 (3). P. 387–403.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Наумов Александр Олегович — д.и.н., профессор факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail*: naumov@spa.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Naumov A. — DSc, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. *e-mail*: naumov@spa.msu.ru